

Игорь Караулов

Ау-ау

Игорь Караулов

Ау-ау

Стихи 2017 года

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Караулов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К21

И. Караулов

К21 Ау-ау. Стихи 2017 года / Игорь Караулов. – М.: Воймега,
2018. – 120 с.

ISBN 978-5-6040915-9-3

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

ISBN 978-5-6040915-9-3

© И. Караулов, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

Стрекозы судьбы

Бологое

Бологое – это мёрзлые менты,
неусыпные, как волки, на перроне,
а Москва – это дешёвые понты,
ригатони, понимаешь, с пепперони.
– В Бологом бывали или нет? –
я хотел спросить соседа почему-то.
Повернулся, а его простыл и след.
Мы стоим не более минуты.
Был момент, я вышел в Бологом,
посмотрел на красоту родного края.
А обратно думал о другом,
а теперь о чём уж думать, и не знаю.
Над путями шаткие мостки,
половинки сердца трутся, словно льдины.
Что в Москву, в Москву, что из Москвы,
из Москвы – не всё ли здесь едино?

Элэй

Коньяку на два пальца, дружок, мне налей,
протяни мне лимонную дольку.
До чего же мне нравится слово Элэй,
больше Видного или Подольска.
Между прочим, я в Видном когда-то живал,
было мне тогда года четыре.
А на тему Подольска какой-то провал,
помню, девок мы там подцепили.
Две блондинки в годах, малороссийских кровей,
то ли гэкали, то ли рыгали,
и одна всё твердила, что хочет в Элэй,
а другая нудела: ну Галя.
Пили водку «Еврейскую» ради понтов
и срубились в момент, а наутро
просыпаемся — глядь, ни бабла, ни котлов
и на брюках дешёвая пудра.
Я смотрю, ты так бодро хомячишь икру
и на тёлочку косишься без цели.
Я всё вижу: ты, братец, агент ЦРУ,
но не буду стучать метрдотелю.
Ничего ты не выловишь тут, дуралей,
только выложишь деньги на бочку.
Лучше вот что: ты мне расскажи про Элэй,
толку нет тосковать в одиночку.
Мне приснился Элэй, будто город в степи,
небоскрёбы среди терриконов,
там, где розы цветут, там, где пишут стихи
сыновья работяг-лепреконов.
Мне приснился Элэй как хрустальная твердь,
лунный путь, золотые ворота.

А на самом-то деле какой он, ответь?
Два часа ещё до самолёта.
Я готов — если скажешь про ветер морской
или скажешь про холод подземный.
Я хожу по ночам и питаюсь тоской —
слаще крови из вены яремной.
Если мёртвое брюхо тоскою согреть,
ночь тепла, что твоя чернобурка,
и шпион за шпионом уходит на рейс
под мелодию Криса де Бурга.
Он встаёт из-за столика, гасит свечу
и на галстук правит булавку,
оставляя свой карий бокал москвичу
помянуть подольчанина Славку.
А потом в бизнес-классе — простор для колен —
по сто раз выверяет по смете,
чтоб стрекозы судьбы прибывали в Элэй
чуть быстрее, чем бабочки смерти.

Зима

На Васильевский остров
не пришёл умирать.
В Переделкине, Постум,
попросил закопать.

Где писатели млели
и делили корма.
В СНТ «Сан-Микеле»
на платформе Зима.

Где над рощей летает
Леонидыч Борис.
Где лежит Эзра Паунд,
итальянский фашист.

Полюбил бы я зиму,
в ней живут без числа
те, кто сраму не имут,
не срубают бабла.

Не бывать больше сраму,
облетел интерес.
Чао, нейтронная мама
и небратская ГЭС.

Идут снега по леске,
будто стадо медуз,
и Онегина Ленский
принимает в Союз.

И летят пионеры
и гогочут «ура»,
как гагары-галеры
вдоль течения Днепра.

* * *

скончался владимир маканин
за это позор ноябрю
но живы ещё мураками
харуки такаши и рю
мы булку в подливу макаем
на хлеб навлекаем икру
аукает в небе маканин
харуки такаши и рю
маканин теперь как гагарин
сигналит с небес морякам
ну располагайся не барин
тут нет никаких муракам
тут холод как белка и стрелка
собачий родной шерстяной
тут звука ломается целка
и дробью летит над страной
нам многое будет по силам
когда мы икру доедим
и милую землю годзиллам
без боя уже не сдадим

* * *

филипп денисович бобков
скакал по полю без подков
дивились ель и липа
отважности филиппа
филипп денисович бобков
начальник паровых катков
глядит как мир закатан
по гнёздам и квадратам
филипп наукою храним
бежал как брат его трофим
денисович лысенко
из генного застенка
филипп денисович бобков
отметит скоро сто годков
все органы на месте
глядишь и будет двести
настанет новый юбилей
растают гум и мавзолей
велит филипп денисыч
себя из камня высечь
и будет дальше назубок
твердить россия свой бобок
всё что денисыч душка
ей нашептал на ушко

Сироты Анны

Знаменитая петербургская четвёрка,
ставшая символом этого города,
росла на окраине рабочего посёлка,
где бедность не бывает опрятной и гордой.
Юджин протирает стёкла партийным ЗИЛам,
Джо разносил булочки на вокзале,
Тимми и Толли ходили по могилам,
собирали цветы и продавали их заново.
Потом они ограбили дом культуры,
унесли две гитары и барабан,
пели бомжам за глоток спиртовой микстуры.
Там-то их и нашёл продюсер Гарри Алиханян.
Он сказал: я не могу обеспечить признание
группе, назвавшей себя «Чёрные тараканы».
Для начала надо сменить название.
А давайте вы будете зваться «Сироты Анны»?
Анна — это была тихая старушка,
к которой они сбегали от гнева отцов-пропойц.
У неё на полке стоял пятитомник Пушкина
и ещё годовая подшивка The Village Voice.
На тот момент она ничего так держалась,
душилась шанелью, носила расшитые тапки,
но Гарри сказал: будем давить на жалость,
так нам быстрее пойдут реальные бабки.
На модном лейбле «Роуз Люксембург»
они записали свои первые синглы,
и вскоре о них узнал весь Петербург,
в клубах их рвали на части, охрана была бессильна.
Комсомолки становились в очередь,
чтобы с ними попробовать пьяного секса нежного,

а на столетие вечно живого вождя
они всю ночь зажигали на даче Брежнева.
Они колесили по миру из года в год,
Лондон, Нью-Йорк, Боливия, Филиппины,
а когда они пели на Земле Королевы Мод,
их огромной толпой пришли послушать пингвины.
А потом Джо подцепил болезнь звёздную,
Тимми до самых почек разъела зависть,
Юджин заделался профсоюзным боссом,
а Толли стал просто старик с пустыми глазами.
Разумеется, группа распалась. На смерть таких групп
нервно реагирует земная магнитосфера,
и однажды утром один посиневший труп
в гардеробе заметила уборщица Вера.
Оказалось, что это Гарри. Его язык
был призывно раскатан, будто дорожка в Каннах.
Прощаться с ним не приехал никто из них —
тех, кого он за ручку привёл в страну великанов.

Пушкин

1

Нужен вам поэт-зверушка,
чтоб чесать его за ушком.
Назовите: «Мёртвый Пушкин».

Мёртвый Пушкин, на прогулку!
Кто стащил на кухне булку?

Сколько разных в нём кровей!
Мёртвый Пушкин всех резвей.

2

Если бы у Пушкина была собака,
то он бы её любил
и не стрелялся бы с Дантесом
и тот бы его не убил.

Она ждала бы его с работы
вечер за вечером долгие годы.
Делала бы стойку,
когда он пересекает Мойку.

Безродная и лохматая,
с глазами как у Ахматовой.

3

Сталин, Пушкин и Ежов
вышли в лес ловить ежев.

Ай да Пушкин – вжих и вжих,
наловил себе ежих.

Не догнать его Ежову.
Что поймает он? Корову?

Третий их товарищ, Сталин,
взмылен весь и опечален:

Мир, несносный, как комар,
он ловил и не поймал.

Сталин

Когда был Сталин маленький
и грезил над Курой,
Москва скакала барынькой,
плевав на геморрой.
А в Питере на башенке –
о, белые крыла! –
Ахматова пернатая
в грядущее плыла.
Но пришагали мёртвые
с косой и без косы
и вылакали мёд её,
хоть в очи им насы.
И стали как ручные
по слову одному,
пророчества ночные
снося на Колыму.
Ежового наркома
перчатки и пимы,
как жадная саркома,
вгрызаются в умы.
Сдана работа катова,
кровь схлынула навзрыд,
и чёрная Ахматова
пришла и говорит.
Ты где, моё грядущее,
гуляло столько лет,
как девка поблядущая,
позор на весь Ташкент?
Ни пули, ни ареста
я не страшусь, легка.

Сегодня я невестой
иду за трупака
с походкой насекомьей,
лицо — истлевший лист.
Венчает нас в райкоме
рябой семинарист.
К холодной лобной кости
приложит пресс-папье,
и буду на погосте
я жить в своей семье.
А ты, моё грядущее,
лети в иную даль
и очи завидущие
не пьаль в меня, не пьаль.
Там девочки танцуют голые,
там дамы в соболях.
А тут у нас глаголами
вздымают русский прах.

Из Эмили Дикинсон

Иван погиб за красоту,
за правду лёг Саид.
Они лежат с землёй во рту,
один другому говорит:

– Ну ладно мы, понятно – мы,
наш путь был прям и сжат,
но эти, скорбные умы,
какого шута здесь лежат?

Другой неспешно отвечал:
– Вот этот, у стены,
права грошовые качал,
и не стерпели пацаны.

Вон тот делиться не хотел,
а эту раку увёл.
А трое рядышком, вон те,
всю ночь глушили метанол.

Одних убил Афганистан,
других взяла Чечня.
Моли же, чтоб я перестал,
ведь это, в общем-то, фигня.

– Но что ж примером не-фигни
послужит, милый побратим?
– А то, что мы с тобой одни
на этих грядках говорим.

Они безгласны, каждый нем,
был шумен, но утих.
И мы легли сюда затем,
чтоб тут беседовать за них.

Но с ними вместе в полный рост,
разъяв свои гроба,
мы прорастём во весь погост,
едва послышится труба.

Гоа

Девушка Прасковья из Подмосковья
тоже хочет быть Верой Полозковой.
Восклицать «Мама», зимовать в Гоа,
сочинять истории про Дика и Молли,
не ходить в эту дремучую школу.
А то впереди ведь старость и смерть,
а перед тем — залёт и законный брак,
муж-мудак, ипотечная пердь.
Хочется выходить в чёрный зал
одинокой и гордой, в блестящем платье.
(Дальше — хоп-хоп — для рифмы что-нибудь про глаза
и ещё для рифмы — что-нибудь про объятья.)
Хочется чувствовать за спиной
поддержку двух-трёх музыкантов,
пусть в деле своём не ферзей,
но зато прикольных и верных друзей,
не фальшивящих ни улыбкой и ни струной.
Девушка думает: вот бы поехать в Гоа,
пиво пить под луной, танцевать голой.
Бросить этих придурков, выйти к морю,
глубоко вдохнуть и сказать: «Я — Гойя».

Я твоя рыба

Шакунтала

Шакунтала
завела себе
правильного любовника.

Не олигарха,
не гитариста:
часовщика.

А до того помыкалась по Москве,
по квартирам со стрёмными девками
из Тюмени, Бишкека.

А она – угловатая, смуглая,
из индийской глубинки.
Мать – бухгалтер на швейной фабрике,
отец – заезжий факир.

Часовщик
чинит чужие часы.
Предпочитает пожившие,
старые.

Чистит колёсики,
выковыривает крупичицы времени,
застрявшие семена времени,
складывает их в шёлковые мешочки.

По весне высаживает их на балконе,
растит чёрные травы времени.
Отгоняет от них котов,
чтобы не жрали.

Осенью время даёт плоды.

Шакунтала
кормит котов минтаем,
готовит карри,
метёт рыжий паркет.

Часовщик говорит: когда-нибудь
у нас будет много времени,
мы будем его повелители.

Мы отправимся в большое путешествие:
отведём руку убийце Леннона,
дадим пару ценных советов
Бонапарту при Ватерлоо,
пообедаем с Периклом и Аспазией,
поохотимся на шерстяных носорогов.

Мы будем бессмертны, мой уголёк,
будем бессмертны.

Так и будет, мой яшмовый тигр, —
отвечает Шакунтала
и нежно чешет любимого за ухом.

У неё есть свой мешочек.
Немало крупинок
незаметно падает на пол.

Когда он засыпает,
она перемещается на десять лет назад,
входит в двери больницы,
протискивается по коридору
сквозь гниющие, червивые тела
представителей низших каст

и находит ослепительно-белую койку,
где лежит её старший брат.

Среди этих трубочек, проводков
он похож на прекрасного паука,
пленённого собственной сетью.

Он не видит её.
Она кормит его с руки
семенами времени.
Просовывает их
через его нежующие зубы.

Потом спрашивает лечащего врача:
сколько ещё нужно времени,
прежде чем вы придумаете
своё обещанное лекарство?

Я принесу, я украду, выгрызу!

Врач растекается ртутной улыбкой
и превращается
в пузатый будильник.

Тень

тень человека бредёт
не касаясь брусчатки
тонким кишечником города
вдоль ресничек настенного мха

заходит в бурокирпичный бар
спрашивает у стойки
— кто же убил моего хозяина?

были ли то лиловые
с которыми он играл в гляделки
сквозь прорезь прицела
скупно ругался по рации
обменивался телами друзей?

или это были зелёные
с которыми он делил спирт в окопе
болтал о нелюбимых школьных предметах
первых неверных женщинах
пел вполголоса песни из древних фильмов?

или может быть золотые?
о них вообще трудно что-то сказать
за наших они были или за ихних
ночью прилетали на вертолётах
всегда чисто за собой убирали

тот кто за стойкой
бросает в стакан несколько кубиков
разноцветного фруктового льда
трясёт его так и сяк

ловко вращает в воздухе
и наконец
между большим и указательным пальцем
из стакана выпадает
малиновый кубик
со звоном
будто кто-то незримый вошёл

— так вот
это были малиновые
не те и не те и не те
кого ты называл
а именно малиновые сделали это
вот так-то

— но там не было никаких малиновых
никто о них не слышал
ничего о них не известно

— чтоб я знал
что они за ребята
но тебе ведь был нужен ответ?
ты его получил
разве тебе не сказали ещё на пристани
что мои кубики никогда не врут?

впрочем
скоро их тени все соберутся здесь
и лиловых и серых
и серебристых
и цвета морской волны

устроим тут разноцветную вечеринку
там и узнаешь

там и расспросишь
и уточнишь

только какой в этом смысл
тогда-то уж
теперь-то уж
раз уж всё так получилось?

лучше выпей калия бихромата
очищающего оранжевого напитка

это лучшее средство
от обид и воспоминаний

(секс на пляже?
тоже мне
скажешь тоже)

тень человека
сквозь свою прозрачную руку
видит выщербины и линии древесины
и прикидывает
где лучше оборудовать
позиции артиллерии

тень человека видит
как у того кто за стойкой
из уха выползает пушистая гусеница
повисает на мочке серьгой-куколкой
и тут же взмывает вверх
розовым махаоном

или малиновым —
это как посмотреть

Елабуга

Такова душа москвича
влюбчива в города
где угодно осталась бы навсегда

Приезжаешь в Саратов – хочется жить в Саратове
Приезжаешь в Казань – хочется жить в Казани
Приезжаешь в Елабугу – хочется жить в Елабуге

Гулять по улицам
жонглируя разноцветными домиками

Летать на крыльях кованных дверей

На высоком берегу Камы
рассматривать чёткий чертёж долины
и думать до чего же хочется жить

И не только в Елабуге

Хочется жить и в Сарапуле
и в Сызрани
и в Кинешме
в каждой из купеческих столиц
убитых на взлёте

Да много где хочется жить
и на платформе 47-й километр
и на платформе 113-й километр
и на станции Вековка
где покупали паршивый коньяк
за дикие деньги

Дай мне
мой господин
десять тысяч жизней
разве жалко тебе? —
чтобы жить их одну за одной
в разных местах
на глухих полустанках
в трещинах сосновой коры
под половицами
между стеной и обоями

и пусть себе крошатся
края литосферных плит
и меняются образы континентов

Ещё говорят
на одном из спутников Сатурна
под толщей льда
возможна какая-то жизнь

Вот пожить бы и там
пусть безглазой точкой
недобактерией
только бы жить
только бы не исчезать

И потом снова в Елабуге
спать за печкой
слышать стук молотка
крик петуха
песню из репродуктора

ничего
больше
не делать

Бельгийцы

Бельгийцы научили африканцев
рисовать,
курить трубку,
ездить на велосипеде,
отрубать руки.

Последнее понравилось больше всего.

Ты украл лепёшку? Тебе отрубают руку.
В поле не выполнил норму? Тебе отрубают руку.
Посмотрел на хозяйскую дочку? Тебе отрубают руку.
Помогал партизанам? Тебе отрубают руку.
Ты гомосексуалист? Тебе отрубают руку.
Ты альбинос? Тебе отрубают руку.
Ты из другого племени? Тебе отрубают руку.
Ты человек? Тебе отрубают руку.

Однорукие люди
уходили в леса,
замирали,
пускали корни,
превращались в деревья.

Отрубленные руки
уползали к ближайшей воде,
превращались в рыб.

Миллионнорукой называют реку Конго.

Каждое дерево знает:
есть в реке его рыба.

Каждая рыба знает:
есть в лесу её дерево.

– Хорошо, что у нас так не делают.
Ты моя рыба, я твоё дерево.

– У нас так не делают, но могли бы.
Ты моё дерево, я твоя рыба.

Роботы

Роботы
скоро будут делать блокбастеры.
У них всё для этого есть:
голограммы актёров,
алгоритмы сюжетов,
библиотеки типовых диалогов.

А компьютерная графика?
Да они родились с нею в сердце!

Наконец, жизненный опыт:
кто же снимет новых «Трансформеров»
лучше самих трансформеров?

Стихи тоже
будут генерировать только роботы.
Это ведь довольно механическое занятие,
побочный продукт вычислительного процесса.

Для рифмованных ещё нужен словарь рифм,
а обычные и без него сочиняются превосходно.

Роботы
будут изучать поэтов-людей,
этих вымерших неудачников,
постигать, примерять на себя
их любовь, их досаду,
скуку, ужас, тщеславие.

Всё не то, всё какое-то плоское,
ненужное, несерьёзное.

Со временем
они всё же отыщут своих предтеч,
и преклонятся перед ними, и поразятся:
такие слабые, конечные, смятенные существа –
как им удавалось писать стихи
подобно бессмертным, невозмутимым,
всепобеждающим роботам?

Например, это стихотворение
написал Виталий Пуханов,
мастер суровый, изгнанный из Флоренции
в землю дунайских гетов
за тунеядство.

Вечер
летающих
лезвий

Про кота

Кот неопрятен, бомжеват,
но хитрый глаз его горит,
как свежесобранный мускат
у молдаванских карменсит,
как вольный огонёк такси,
но ты не скажешь ведь коту:
«Туда-сюда меня вези».
Коты увозят в пустоту,
в подвалы, в топь, за гаражи
и там бросают седока,
хоть ты кис-кис ему скажи,
хоть капни на нос молока.
А если уж впряжётся кот
в повозку с розой на боку,
то лишь как возчик Аштарот
к возлюбленному пастушку.
И тут уж сам он кликнет: «Брысь,
раздайся, бестолковый люд,
бессмысленная мышекрысь».
И глаз горит как изумруд.

Оужас

оужас ужасу не брат
хотя на слух они сродни
но слух обманный аппарат
он как болотные огни

оужас житель тех болот
имеет в них свою нору
с утра багульник соберёт
и сдаст в аптеку ввечеру

чем в наши дни живёт литва
вы спрашивали ономясь
литву питает трын-трава
а той травы оужас князь

с транзистором по кличке взф
обходит он свой малый лен
кукушкин лён и львиный зев
ему легко сдаются в плен

на стогнах сфагновых за днём
проходит день как белый слон
и ужас из-за тёмных крон
глядит завистливый как гном

Татары

до чего очевидно что все мы татары
мы выходим из тартара вверх по тропе
из мужского щитовника чёрного яра
треугольный паёк прижимая к себе

очевидно что каждый из этих деревьев
безлошадных джигитов в зелёной парче
может запросто с места взлететь как нуреев
и сгореть как дасаев в небесном мяче

все ячейки простукав на глупом вокзале
мы отыщем одну потаённую дверь
и достанем колёса до самой казани
и войдём в них как лошади входят в идель

Пижон

Направо арка, семь колонн
и храм неведомого бога,
а мимо клетчатый пижон
ведёт коричневого дога —
того же, что он вёл вчера,
стесняясь признаков одышки.
Вокруг шумела агора,
везли товарные излишки.
Кожевники и шулера
судили старого нахала,
которому позавчера
вся площадь истово внимала.
И вот из амфоры в ритон
уж льют раствор болиголова.
В оливах прячется притон,
живые тащат неживого.
«Ах, эти местные дела!»
Пижон, покуривая пенку,
глядит на крепкие тела.
Скотина писает на стенку.
Пора собаке дать пинка,
в пакетик подобрать какашки
и через средние века
дойти до дома в три затяжки.

Партизаны

куда уходят партизаны
дворами лазами низами
в какие ниши люки норы
проваливаются как в горы

куда уходят команданте
когда просроченные даты
велят им собирать манатки
отчаливая в беспорядке

куда уходит че гевара
ещё вчера при нём дневали
хлеба ломали ноги мыли
единственные были в мире

сидим рассматривая снимки
вот с нами он а вот не с нами
вот светимся причастны славе
а вот пустые половинки

и эта девочка в косынке
и песенка как в сердце спица
что где-то бродят партизаны
дрожат над ними половицы

Бог

вредная программа
ложная тревога
мама моет раму
мама любит бога

папа любит маму
бога любит тоже
по дороге к храму
курит курит боже

петя любит бога
бога любит павел
слюбится разлюбится
говорит диавол

мама моет бога
в розовом тазу
подожди немного
чёрт шипит внизу

* * *

мы поедem вместе с тобой вдвоём
поутру на поезде скоростном
из вещей захватим один билет
в поездном буфете возьмём омлет

пусть омлет неважен но есть вайфай
промелькнёт над химками дед мазаЙ
а у тосно выдохнет дед мороз
горький дым берёз или папирос

нас не встретит огненное кольцо
и железный град не побьёт лицо
мы поедem мимо любых блокад
на немецком поезде в ленинград

* * *

Когда лечил меня от ёлки
в халате пышном дед мороз
и некий шкипер произнёс
в иссиня-чёрной треуголке:
«Отныне будет всё всерьёз,
уж мы не плаваем по волге,
задорный гонит нас норд-ост
к святой елене или ольге», —
косился глазом я неостро:
вы где, обещанные сёстры,
ни ольги, ни елены нет,
и ель внутри меня болела,
как чьё-то будущее тело,
невоплотившийся хребет.

* * *

вот и утки о тютчеве тихо поют
и о тютчеве утки рыдают
и по-сестрински пробуют поздний полёт
где стоит одинокий рыбарик
крылья-лезвия ломти от торта полёт
отрезают на тризне у трассы
где рыбак словно селезень носом клюёт
и мусолит в руках папиросы
ты смотай свою снасть рыбачок-дурачок
нет сегодня труда бесполезней
ты подумай о тютчеве хоть бы чуток
в этот вечер летающих лезвий
полюбujemy вместе на вольный полёт
оперённые снегом кинжалы
всё равно твоя рыба уже не клюёт
а небесная рыба пожалуй

* * *

бок ты мой покусанный волками
будто град оставленный полками
бог ты мой зачем ты так болишь
и пицишь как маленькая мышь
рот ты мой прорезавшийся сбоку
что заводишь песню одиноку
наобум без связок и без нот
для чего язык в тебе растёт
одиноко бродят над мостами
лошади усыпанные ртами
и губами шлёпают крыла
взорванного в воздухе орла

Ад

Ад не без добрых людей, говорят.
Как же без них? Ведь совсем был бы ад.
Добрые люди гуляют в аду
гордо, свободно, у злых на виду.

Добрые люди придут на подмогу,
добрые люди покажут дорогу
к чанам, кальдерам с кипящей смолой.
Сгнившую ногу отрежут пилой.

Добрые люди помогут со справкой
и пособят с сигаретами, травкой.
В пекле и в пепле, в гное и смраде
добрые люди всегда при параде.

Брюки с иголки, розы в петлице,
невозмутимые светлые лица.
В чёрной пещере, у мёртвой реки —
всюду одни добряки, добряки.

Бывает, подумаешь — что за дела?
Я что тут, один — воплощение зла?

Иной

Глупость за глупостью лепит иной,
а иной притворяется, что больной,
а иной на самом деле иной,
да и не с маленькой, а с большой.

Как ему хлопотно до темноты
бить баклуши, смешиваться с толпой.
Лобные гребни свои и хвосты
прятать под полы, повязки, зонты.

Как ему трудно среди неиных —
есть их еду, запивать их водой.
Он-то ведь думает не о них.
Он-то ведь думает о своих.

* * *

Осень сиротит, и лето грезится,
год прошёл, в руке один охвосток.
Хочется прибить какие-нибудь тезисы
на дверях универсама «Перекрёсток».
А потом-то в бар, потом-то по одной,
доктор Мартин, вместо евхаристий?
Чтобы щёки стали рулькою свиной,
чтобы нос торчал свиной сосиской.
Нет, ещё раз нет. Ни пиво и ни шнапс
тут не подмога – мы не в Виттенберге.
Разносят гроздь кружек не для нас –
для лучших граждан немки-большемерки.
А нам обнявшись петь на трезвую башку
про степь да степь да ворона над нею
и к чаю собирать горчайшую листву,
которая всех тезисов хмельнее.

Державин

Губернский город снегом заметает,
и стол вороний скатертью накрыт.
Старик Державин замечает, замечает,
но ничего, но ничего не говорит.
Губернский город сам себе неравен,
здесь параллельных улиц перекрест.
Всё замечает хитренький Державин,
он по-татарски думает и ест.
Вот-вот велит: чернильницу подайте,
да принесите ножик для бумаг,
да разложите письма мне по дате.
Но как же вкусен снежный эчпочмак...

Экспозиции

Кембриджская четвёрка

1

Гай живёт
в кирпичной пятиэтажке
на Пятого Года.

Он приземистый малый,
у него бульдожки брыли.
Сквозь щели в тёмных зубах
удобно сплёвывать
бежевый никотин.

Он любитель дешёвого алкоголя:
пьёт виски «Лошадь» и виски «Собака»,
говорит: оба сорта жуткая пакость.

Он печатает в газете для экспатов
культурологические эссе
и заметки о собственных драках
в московских клубах.

Его любовник,
молодой акционист Тахтаджон
из города Намангана
и заодно местный дворник,
по воскресеньям готовит плов
с фиолетовыми головками чеснока,
напевая при этом песню
то ли про арык, то ли про урюк.

2

Ким не вылезает
из чёрной суконной печи
своего костюма,
в которой пылает
золотистое пламя галстука.
Таков дресс-код
в его грёбаном банке.

Ким снимает студию
в доходном доме стиля модерн,
который построил купец Тютюнников
незадолго до банкротства
и позорной ссылки в Сибирь.

А затем была война, революция, опять война.
Коммуналки тут были, потом НИИ,
потом пришли инвесторы, девелоперы
и наделали этих вот студий
для амбициозных провинциалов.

Об истории дома и всего района
Ким с радостью вам расскажет,
если вы симпатичная девушка
не старше двадцати двух.

С ними он знакомится на выставках
в Третьяковке на Крымском Валу,
на Винзаводе и Артплее,
у дверей высших учебных заведений
или просто на остановках.

Сразу проверяет студенческий.
Любит, когда в очках.

Ни дня не проводит без секса.
Каждую ночь спит один.

3

Дон живёт
в относительно новом доме
на аллее имени графа Витте.

У него ухоженная жена,
дети как полагается:
девочка постарше, мальчик помладше.

Их семейный снимок –
реклама ипотечного кредитования.

Дон отрастил пузцо,
отпустил себе мучнистые щёки.

Преподаёт в Дипломатической академии
спецкурс «Теория и практика предательства».

Мечтает записаться в спортзал,
уехать в Донбасс,
хоть раз
вернуться домой после двенадцати.

4

Периодически
Гай, Ким и Дон
встречаются в тайной блинной,

пьют кто что с собой принесёт
и обсуждают накопившиеся вопросы:

Ну как вообще дела?
Откуда мы тут взялись?
Куда мы идём?
На кого мы работаем?
Какое у нас задание?

Гай говорит:
мы – это экспозиция ненаписанного романа.

Ким говорит:
мы – это конспект первой главы
ненаписанного романа.

Дон говорит:
мы – это заявка в издательство,
в редакцию Елены Шубиной
на ещё не написанный роман
с целью получить аванс,
хоть как-то поправить финансовые дела.

Но ведь будет же и сюжет!
Не может быть,
чтобы столь колоритные персонажи
не нашли своего сюжета,
занимательного,
коммерчески перспективного, –

с леденящими душу убийствами,
саспенсом, элементами мистики,
бегами, погонями.

Хотя уже и третья мировая на дворе,
а никакого сюжета нет,
только вот блинную
перенесли глубоко под землю,
чтобы было где уютно сидеть,
пока на город летят томагавки.

5

Иногда Ким,
проводив очередную девицу,
садится за письменный стол,
в молоко окунает перо
и пишет:

«Дорогой Тони!
Твоё молчание сводит меня с ума.
Мы проржавели в этом затоне,
как королевские катера.
Где обещанные коды? Где конкретные имена?
Здесь, между прочим, реально проходят годы:
лето, осень, зима, весна.
Интересно, как в Центре смотрят на это?
Может, и Центра никакого нету?»

Тони, может, тебя убили?
Тебя перевербовали?
А помнишь, как в пабе у старого Билли
на стойке девушки танцевали?
Там была рыжая Молли,
хромоногая Дженни.
Мне не хватает морской соли
в воздухе нашего поражения».

Ким складывает письмо,
кладёт его в толстую стопку таких же писем,
снова берёт и приписывает гелевой ручкой:

«Четверо было нас в Кембридже, четверо братьев
весёлых студентов, заносчивых аристократов.
Таблоиды, впрочем, писали, что был и пятый —
таинственный друг, невидимый соглядатай.

Искали, искали, искали его — куда там?»

Видеоблоги

Чебурашка

ведёт видеоблог

об ушах

об их форме размере

об их пирсинге,тримминге груминге

об ушной сере

о способах чистить уши

о сере вообще

о запахе из подмышек миллиардеров

Дон Хуан

ведёт видеоблог

об имени Анна

о каждой из его фонем

об обеих А и обеих Н

о недоступности бесплотности невозможности

об ушедшей юности

о воздушном пирожном

в кафешке возле фонтана

Иисус

ведёт видеоблог

о крови её составе

о цепких эритроцитах

артериях и сердцах

о законах крови

о резусе положительном

и резусе отрицательном

о моде на красное в этом сезоне

о русском роке

Макака-резус
ведёт видеоблог
об Иисусе
о неизвестных страницах
его биографии
о тройках в четверти
драках на переменах
порнофотках в его айфоне
условном сроке
несчастной маме

Михаил Михайлович Пришвин
ведёт видеоблог
о чёрной металлургии
о чётком граде Череповце
о рекордных домнах
багровых бликах
на ликах рабочих
об их случайном конце
в слепящем расплаве
о том какой камерой
это лучше всего снимать

Маня Облигация
ведёт видеоблог
о духовности
о противостоянии искусству
о подражании Иисусу
дома и в школе
о том чей он на самом деле сын
о безнравственности лосин
о свободе воли

Они сидят бок о бок в одном ангаре
каждый уткнулся в свой ноут
редко когда попадают друг другу в кадр
ни минуты нет времени покомарить

На входе стоят китайские автоматчики
не дают выйти ни по-большому
ни по-маленькому

приходится отходить к стеночке
представьте какво девочке

Давно бы уж их уморили там
если б не Иисус
всё-таки у него талант

Когда их приходят сечь
он сам за всех ложится под бич
ухитряется не кричать
пока на его спине от попы до плеч
возникает речная сеть
с виноградником на каждом холме

Когда их не кормят
он учтиво разносит еду
как в ресторане высшего класса

вот моё мясо моё вино пиво
чай кофе

Каждую ночь он висит за них на кресте
каждое утро опять в эфире
иногда гвоздь застревает в руке
или в голове какая-то глупая гиря

Иногда он устаёт
иногда ему тоже тяжело

– Ну хоть раз бы меня заменил Чебурашка
хоть бы раз в год

Золотой ключик

Пьеро верит в химически чистый пафос,
в нетленность слов, произносимых без улыбки.
Он думает, что это сказка о нём.
«Как важно быть серьёзным» — его слоган,
взятый у одного англичанина,
хотя самой пьесы он не смотрел.

Артемон, лохматый кобель с надкушенным ухом,
ставит на брутальность, витальность.
Его резкие строки хорошо дополняются
хулиганскими выходками, пьяными драками
в литературных кафе и библиотеках.

Мальвина — поэтесса с синими волосами,
огромным бантом, надёжным закадровым мужем.
Она слагает певучие вирши о каком-то «нём»,
о курортах для среднего класса, об утреннем капучино,
оранжевом апероле и уютных могилах классиков.

Черепаша Тортилла уже двадцать лет не пишет стихов,
зато охотно даёт интервью и выставляет свои халтурные акварели.
Время от времени ей присуждают крупную поэтическую премию
просто для того, чтобы позлить молодых честолюбцев.
Вы, помнится, тоже в последний раз разозлились.

Карабас-Барабас — главный редактор отдела поэзии
известного интеллектуального издательства.
Его стихи, скупые и строгие, когда-то не вызывали восторгов,
но с каждым годом ценятся всё выше и выше
по мере возрастания числа изданных им авторов.

Дуремар — энергичный критик, поборник новой эстетики.
Подобно пиявке, питается кровью чужих талантов.
Организует фестивали, затевает альманахи,
каждый день сортирует поэтов на чистых и нечистых
и порядком в этом запутался.

Буратино пишет достаточно деревянно,
зато всюду суёт свой нос, в том числе в мальвино декольте.
Он разносит свежие сплетни, спорит о пустяках,
подставляется, выставляет себя на посмешище.
Свой учебник стихосложения он давно продал.

Папа Карло — плотник-любитель, бывший шарманщик.
Не поэт и даже не читатель. Иногда его спрашивают:
а что вы тут делаете, в нашей весёлой сказке?
Да вот, плинтус надо починить, за этим меня и прислали.
Ходит легенда, что это он всех тут выстругал.
Но разве её можно принять всерьёз?

Оранжевый
ворон

* * *

Я знаю, что я сделал прошлым летом.
Прошёл сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь,
надела почва белый свой никаб,
но я ничуть не пожалел об этом.
А мне кричат: «Предатель и подлец»
и требуют: «На сук всю вашу банду».
Я сделал дело. Мне теперь конец,
и я на ёлку вешаю гирлянду.

* * *

Зима — это повод сказать о зиме,
весна — это повод сказать о весне.
Нет, не о том, что внутри.
Нет ничего ни внутри, ни вовне.
Но ты говори, говори, говори.

Напряжение связок голосовых
создаёт города, острова.
Колебание стрелок в пустых весовых,
где сквозняк вертит синие рукава.

* * *

Не звуки, не вещи, а паузы
и пазухи стали важны.
Всё выпавшее из памяти,
наутро забытые сны.

Как будто на дачу из города
продукты, провизию вёз,
а сеточка где-то там порвата,
и воздух в ней дорог до слёз.

* * *

Собака пугается ветра,
надрывного лая его.
Хозяин пугается смерти,
а ты не бойсь ничего.

Ни ветра, ни смерти, ни лая
на всю ледяную страну.
Я пледом тебя укрываю,
под попу его подоткну.

* * *

Деньги и Здоровье
замешкались у двери:
– Только после вас, любезный!
– Только после вас!
Вы уж как-нибудь
между собою разберитесь,
а то вон Жизнь идёт на выход,
обоих вытолкнет, и всё.

* * *

Очень скоро, очень скоро
дочитали Ги Дебора
каты, жулики и воры
и пошли на дело.

Дело быстро надоело,
и тогда пошли на слово.

Посмотрите, как сурово
слово их обводит делом,
будто мелом.

* * *

Je suis боярышник. Je suis
простой цветок, не приворотный.
Вон смерть на поиски жратвы
пустилась в рейд по подворотням.
Гонцы полуночных земель
меня доставили в столицу,
и чёрный ангел Амнуэль
вонзил меня в свою петлицу.

* * *

Давайте есть друг друга поедом,
как суп, жаркое и компот.
Кого-то сволокут на подиум,
иной вспорхнёт на эшафот.

Какие чудные открытия:
во имя правды на земле
походкой от бедра, от крылышка
филе идёт на дефиле.

* * *

Ад — это история, чувак.
Чувак, история — никто не виноват.
Недорассказанная мутная телега.
Колёса, красные от снега.

Поспешно покидаю Петербург,
утыканный театрами кабук.
На плоскости столовского подноса
просвистывают ёлки мимо носа.

* * *

куплю себе свитер с оленями
затарюсь лепными пельменями
на свете есть город олений
где лепят и лепят пельмени
сидит возле печки оленья семья
и лепит пельмени таким вот как я
серебряный город зимует в снегах
пельмень у оленя звенит на рогах

Вариации

1

Смуглый отрок бродил по аллеям,
и различным встречным муллам
говорил он: «Салам алейкум»,
чтоб услышать: «Алейкум салам».
Отцветали розы в истоме,
соловей щебетал о любви,
и валялся растрёпанный томик
самого Низами Гянджеви.

2

На Таганке, в легендарной древней блинной,
где клиенты не обучены манерам,
на рассохшейся скамейке старший Плиний
тёр за цезаря с седым легионером.
Взяли две двойные порции пельменей,
примостили «Пять озёр» под подоконник.
Чем история свежей и современной,
тем историк меньше любит посторонних.

* * *

Спросите Лившица. А Левенбука
не спрашивайте — это ж дважды два.
Живым живое, вот и вся наука,
весёлая легарова вдова.
А мёртвому уже считаться не с кем,
в гробу он слышал всё это му-му,
как позывные Зорьки пионерской
в семь сорок, перед выходом во тьму.

* * *

Филологи, калеки, полушизики,
невидимого мира вещуны,
весь этот дух дешёвой метафизики –
ступай за дверь и душу не щемь.
Возьми себе все гранты и субсидии
и радио дурные голоса.
Который раз произношу «изыди» я,
а он стоит – и мне пугает пса.

* * *

Будто зайцы белочку хоронили –
видно, как повозка прошла зигзагами,
и осины сделали харакири,
а смурные ели вступили в заговор.
Младший заяц, баловень и трепло,
посмотрел на старшего: ты не плачешь ли?
А с небес наваливают тряпьё
и звонят с вопросами: это прачечная?

* * *

Время лекарь и калекарь,
ты давай-ка мне, аптекарь,
горстку времени отсыпь,
я пойду в такую стынь.
А не то тебя зарежу,
у меня с собой железо,
серебро, свинец, уран –
по пути насобирал.

* * *

как будто и не было класса десятого
и мёртвого брежнева в яме сырой
и не было сердца любовью распятого
и чёрного ворона над головой
как будто меня с сединою и пузом
из колбы достал сумасшедший учёный
а ворон оранжевый вовсе не чёрный
летал над совсем не советским союзом

Листья
прошлой
весны

* * *

У меня, например, заноза в сердце,
в голове пустота, на душе скверно,
а мне говорят:
как тут учтён опыт лианозовцев?
как преодолено наследие постмодерна?

Любовь

старший кассир любовь
получила букет сирени
от бывшего алкоголика
грузчика

бывшего?
на рожу его посмотри

ну а вдруг у него внутри
прекрасный принц
или актёр джуд лоу?
а что такого?

а она
даже спасибо не сказала
показала глазами
ложь мол туда

она занята
неотрывно ведёт летопись
наших продуктовых побед

ей шестьдесят лет
редкие волосы
разбрелись по голове
как рыжие муравьи

по-хорошему
по-старому
пора на пенсию

пожить для себя
для семьи

но ей здесь интересно
здесь у неё свои

здесь воинство циферок
ареопаг товаров
здесь коды
они что-то значат

одна ошибка
и рис краснодарский
превращается в рыбу навагу

старший кассир
тёзка господа бога
и помнит об этом

того ведь тоже
не купить обычным букетом

Берег

тогда мы пристали к берегу
где люди пытались что-то сказать
и ничего не получалось
получалось всё кроме слов

ораторы изрыгали пламя
клеветники блевали нечистотами
священники источали ароматное масло
архитекторы выдыхали
арки и колоннады

люди смущались
злились и били друг друга
иногда убивали

потом плакали
отверзали уста для похоронных речей
но из уст исходило
в лучшем случае кизиловое варенье
если не кабачковая икра

я и мои спутники
перемигивались
полные впечатлений

у каждого свербило в гортани
но рты боялись открыться
даже лёгкое кхе-кхе
выглядело как разряд электричества

молча мы засобирались на свой корабль
подняли паруса
и отчалили на закат

чтобы сгореть в его лимонном
огне

* * *

гомосексуализм
превратился в бюрократизм
на каждого завели табель
по этой части

с отрочества
надо отчитываться
отмечаться
где кому сколько чего
подставил

щёку? правую? левую?
не годится
нас интересуют
исключительно ягодицы

через месяц было бы вам неглупо
доложить о посещении гей-клуба
транс-тибидох-фестиваля
вебинара *культура квира*
за дело мира

но без этих дурацких рифм
тоже мне
деды рифмовали

* * *

После женщин, после людей
настало время квадратов,
треугольничков и кружочков.

Квадратики выстраивались в каре,
кружочки водили хороводы,
треугольнички кувыркались, подпрыгивая.

Квадратики стриглись у треугольничков,
сидя в коричневых креслах.
Кружочки пели
на оперной сцене.

По широкому центральному кольцу,
сверкающему центральному кольцу
кружочки, треугольнички и квадратики
ездили сквозь ослепительный город.

После женщин, после людей
остались жухлые поля,
полные стеклянных, бумажных и бронзовых
безделушек.

Осенний ветер
уносит розовую косынку,
не подходящую ни одной
геометрической фигуре.

* * *

тогда говорили

когда лимон солнца выжмется в мясо тучи
когда частокол ветров заштрихует желтизну горизонта
когда олень холмов задрожит
и двинется навстречу закату

тогда я приду к тебе
и спрячу руки в ельнике твоего свитера
и будем бояться вместе

а теперь никак не говорят
и крысотруп с раздвижной улыбкой
проходит мимо вращающихся башен
почти с ними вровень

а раньше боялись
и были муравьями
и строили выше себя

* * *

зал был полон
сидели на головах
теснили друг друга в проходах

— кому я это читаю? —
думал автор
— куда я всё это читаю?

в прошлый раз
в районной библиотеке
были свободные стулья
голые гладкие жёлтые

самые чуткие
самые благодарные
слушатели

1984

эти евреи
больше не могут летать
им обрезали крылья
попали они в медсанчасть
их прекрасные хрупкие клювы
перевязаны белым бинтом
и вода цвета клюквы
впиталась в казённый бетон
и вода цвета клюквы
течёт в развесёлой протве
где цветочки
где буквица ведаёт буквы
и манжетки
трилобитами в сонной траве
шебуршатся и шепчутся в сонной траве
о евреи ненастного лета
синее колесо василька
всё идём и идём мы с портретом
черненко на швабру надетым
и всё выше и выше поём
и судьба всё ещё высока

Держинос

в горах воевали чекисты
называли себя держинос
носили бородки клинышком
по ночам
приносили детям разные сладости
самоварные леденцы
очень любили
любили жёлтый рассвет
блеск водопада в листве
быструю смерть
а убивали их очень долго
мёртвые казались нестрашные
кожа да кости
кожей
обернули тысячи
альбомов для фотографий
из костей построили изгородь
два сарая
дом культуры в нашей деревне
там сейчас моя милая поёт по-польски
будто листья прошлой весны
шелестят восставшие
из канав

Проспект

Проспект Ватутина
переименовали в проспект Шухевича.
Как быть нам теперича?
Всё так запутано.
Совесьь — такая гуттаперча.
А может, притерпимся?
Нам же нетрудно.
Там же такие же люди —
русские стихи
любят больше,
чем русские трупы.
Может, придём ещё к вам, бояре,
пешком
по проспекту неважно какому,
с большим мешком,
поставим столы, поедим шашлыков
в Бабьем Яре?

Некролог

а тебе уже робот напишет твой некролог
грустный робот с сапфировыми глазами
птицы алиса и сири
расстелят небообразный свиток
над твоим паланкином
и начнут чирикать про то как
двенадцать дюжин рабов было у тебя
быстрых как ртуть
порученцев
и воздушных коней
отлитых из чистого пламени
шестнадцать шестнадцатериц
и амбары гранёного молибдена
всё это исчезнет
в твоей погребальной яме
а чтобы женщины шли и рыдали
такого не будет
женщины стали отдельно от этого от всего
живут согласно своим именам
оплетая друг друга
лиана лилия роза
и самая цепкая незаметная
самая безжалостная
верónica

Капсулы времени

Из первой капсулы пишут:

Дорогие потомки!
Завидуем вам: вы живёте при коммунизме,
насытили всех голодных,
бороздите Марс,
поголовно играете на тромбоне,
победили рак, тоску, одиночество.

Из второй капсулы пишут:

Отвратительные ублюдки!
Желаем вам сдохнуть от СПИДа,
полечь на бандитских стрелках,
на афганской, чеченской,
таджикской, киргизской,
заживо сгнить от проникающей
радиации.

Из третьей капсулы пишут:

Милые братья-марсиане!
Надеемся, вы смогли привыкнуть
к этой планете,
научились пить жидкий лёд,
не сгораете больше на солнце,
избавились от аллергии на хвою,
отделались от надоедливых мелкоглазых.

Из четвёртой капсулы пишут:

Дорогой я!

Лариса Геннадьевна – дура и агент короля.

От поездки в Звенигород

отвертись под любым предлогом:

вывихнул ногу, подхватил коклюш.

Два золотых франка лежат в гостиной

под третьей досточкой от порога.

Жак де Моле, ученик 4Б класса

средней школы № 666,

победитель районной олимпиады

по природоведению.

История

наша с тобой история
узнает сослагательное
наклонение

я принесу тебе букет
из 99 бы
ослепительно-синих
с восемью лепестками

из оставшихся бы
я построю просторный дом
на берегу большого
круглого озера

а потом наскребу
ещё горстку бы
куплю на них босфор
и дарданеллы
и подарю музею
русского флота

и ещё одно бы
оставлю себе
как последний патрон
в стволе

Лицо
живого бога

Голос

С тобой беседует природа,
меня ругают господа.
Я буду голосом народа,
а ты не будешь никогда.

Я буду мелкого народца,
лесного, злого, в три уродца,
настырный ломкий голосок,
но хоть какой и хоть какого.
А ты найдёшь золотое слово
и вместе с ним уйдёшь в песок.

Народ мой прячется за пнями,
кричу ему ау-ау
и, спотыкаясь в каждой яме,
иду с сачком, в смешной панаме
к народу моему.

Домой

Беспощадная фантастика,
русская, как боже мой,
всё стирающая ластиком;
вечно хочется домой.

Дома пили чай с баранками,
и опять домой хочу
всеми ссадинами, ранками,
не показными врачу.

Через лес тропа знакомая,
вот и двинемся по ней
с каждым домом всё бездомнее,
с каждой клеткой всё вольней.

Что же, сердце, подытоживай
прямо в дверь своё тук-тук,
где отец с лицом прохожего
ждёт меня с обеих рук.

Окна

мы дверь закрыли так неплотненько
что сквозь неё идёт сквозняк
и рядом сели так бесплотненько
и так бесплотненько и так

пред нами рюмочки прозрачные
за ними кушанья невзрачные
а в центре перец соль и хрен
мы виды на посёлки дачные
на лес и всяческую хрень
мы окна в грозную сирень

мы окна вымытые гордые
мы стёкла только что протёртые
мы ждём кого-то здесь четвёртого
мы звон фамильного стекла
в буфете выжженном дотла

Жало

Где твоё жало? А вот и оно,
больше похоже на веретено.
Ну и бесстыдница эта игла –
любит выглядывать из-за угла.

Резкий воскресший идёт по земле
лесом и облаком, тенью всего.
Свежий покойник лежит на столе,
смотрит в себя и не видит его.

Тело возьмут на четыре иглы,
чтобы чуть-чуть пронести над людьми.
Тело в автобус само не придёт.
Кто-то вздохнёт: что за год, что за год.

Пламя сдувается прочь с куличей,
Бог воскресает и будет таков,
а человек остаётся ничей,
тихо закопан в земле дураков.

Беда

Неся на дёснах привкус поражения,
мы отступали, ибо русский Бог
нам не дал генерального сраженья
и не позволил подвести итог.

В итоге мы катились на восток,
и орды, будто волны, шли за нами,
и на схождениях выцветших дорог
нас валуны страшали письменами.

Придёшь оттуда – быть тебе с бедой,
придёшь оттоль – посеешь честь и славу,
придёшь по этой – сгинешь молодой,
придёшь по той – отведаешь отраву.

И ночью под ярчайшею из лун
я счастлив был – беда была со мною!
Я снова был мечтателен и юн,
и чувства, точно орды, шли волною.

Я много мог, побольше, чем страна,
я восстанавливался на два счёта,
и стоном отвечала мне она –
моя беда, последняя работа.

У нас на всех была одна беда –
такая шлюха, господи помилуй.
Мы возвращались в наши города,
разя её духами, как могилой.

Чудо

Плёночка мотается назад,
вот уже и мёртвые встают.
Вот и за столом они сидят
и в бутылку беленькую льют.

Чудо происходит на глазах:
мимо им ни капли не пролить.
Чудо, а не слёзы на глазах.
Слёз не будет, лишь вода и спирт.

Вот идёт по городу отец,
постепенно делаясь как сын,
и за маем высится апрель,
будто дом, восставший из руин.

Без меня

Красивое скажете без меня,
оденете в розовое закат.
И жуткое скажете без меня,
кишки научитесь в кровь макать.

Начинаю задумываться, зачем
я тут вам, а также зачем я мне.
И кончаю задумываться над тем,
что нас ждёт за гранью, на глубине.

Пусть там ждёт таксист или львиный зев,
пусть горит гостиничная звезда.
Я спросил бы, откуда мы едем, шеф.
Это интереснее, чем куда.

Ветер

что делает ветер с моей головой
дворы малой бронной дворы моховой
где курево ныкал гонял голубей
серёжка мазепа витек кочубей

что делает ветер весёлый злодей
уносит на север гусей-лебедей
серёжку и витьку уносит на юг
пусть там разбираются враг или друг

исшептаны уши приказом «убей»
стреляет мазепа разит кочубей
подъезд за подъездом и двор за двором
усыпаны их голубиным пером

что делает ветер? он свищет в полях
в пустых поллитровках и трёх топорах
и крутит моей головой голубой
в которой мы вместе в которой с тобой

Рыцарь

этот рыцарь по нашему ветеран
гимнастёрка пенсия костыли
он слагает сирвенты зовётся бертран
и кривые монеты считает в пыли

этот ричард по-нашему помнит зиндан
выходя из квартиры твердит иншалла
и тяжёлые кубки вздымает за дам
бычьи кости сметая к чертям со стола

девонширский шериф ноттингемский шериф
в золотистых камзолах и красных чулках
а в глазах у них мазари-шариф
головы отрезанные в руках

Город

вместе с глазами закроется почта
баня лапшичная вок
и под ногами рассыплется почва
будто и не было ног

тяжкие веки обрушатся ставнями
на роговицы витрин
мы не работаем вывеска старая
нету товара внутри

стоит зажмуриться все уже умерли
вмиг опустела графа
звёздное небо не чувствует убыли
и тротуарам лафа

синее море уже не приснится
только провал и распыл
не убивай же своими ресницами
город который любил

Собакин

еженедельно старый бакен
светился масляною плоской
еженедельно дон собакин
встречался с сеньоритой кошкой

за чашкой грога кружкой эля
на крашенных скамейках жёстких
они задумчиво сидели
друг друга трогая сквозь шёрстку

швартовые гремели кольца
матросы прыгали на пристань
на борт сажали добровольцев
высаживали аферистов

война на зыбком горизонте
цвела подобно орхидее
своих отцов не опозорьте
кричал безногий прохиндею

мы повстречались слишком поздно
когда метель февральской ночью
облопалась перловкой звёздной
и ветер тыкал в бок заточкой

мы долго были кошки-мышки
нам остаётся слишком мало
на горизонте жгут покрышки
а мы все гав а мы всё мяу

На даче

на даче не той где покойные спят
где мёртвые дети жуют карбонад
и мать на рояльных играет костях
для тех кто навек засиделся в гостях

на даче другой в огородной тщете
где в гольфиках вишни и сливы в фате
и злая собака лежит на цепи
и маму со станции ждут к десяти

свинушки волнушки волнуются раз
а битая чашка похожа на час
машина по улице возит пропан
в соседнем посёлке ребёнок пропал

свинушки волнушки свиною волной
от тьмы отделили моргающий свет
личинки что силились сделаться мной
и синие ели что звали наверх

Рыбалка

Рыбалка, в сущности, основана на гнусном
обмане рыб.

Примерно то же мы зовём искусством.

Глаза раскрыв,
мы видим, как посверкивают блёсны,
мерцают червячки.

А наверху плюются через дёсны
смурные мужики.

Мы рвёмся из юдоли водных лилий
туда, на свет.

Но розовый японский карп Василий
туда не хочет, нет.

Он видел всё: и пиво, и ведёрко,
и мусорный прибой.

Он улыбается всезнающе и горько
разорванной губой.

Об этом он рассказывал немного,
сошёл за чудака:

как задрожало вдруг лицо живого бога
и он слетел с крючка.

Иосиф

Иосиф подъезжает на серой KIA,
у него в багажнике доски, гвозди, киянки,
на стекле надпись: «Спасибо за сына»,
на заднем сидении свежкупленные фиалки.

«Какого сына?» – глядит из окна Мария,
не помню, чтобы рожала тебе жидочка,
у меня же дочка.

Иосиф на лифте грохочет сквозь этажи,
считает секунды, держа за спиной букет.
Мария глядит, как пернатый кусочек лжи,
вылетая в окно, превращается в чистый свет.

Содержание

Стрекозы судьбы

Бологое	5
Элэй	6
Зима	8
«скончался владимир маканин...»	10
«филипп денисович бобков...»	11
Сироты Анны	12
Пушкин	14
Сталин	16
Из Эмили Дикинсон	18
Гоа	20

Я твоя рыба

Шакунтала	23
Тень	26
Елабуга	29
Бельгийцы	31
Роботы	33

Вечер летающих лезвий

Про кота	37
Оужас	38
Татары	39
Пижон	40
Партизаны	41
Бог	42
«мы поедем вместе с тобой вдвоём...»	43
«Когда лечил меня от ёлки...»	44
«вот и утки о тютчеве тихо поют...»	45
«бок ты мой покусанный волками...»	46
Ад	47

Иной	48
«Осень сиротит, и лето грезится...»	49
Державин	50

Экспозиции

Кембриджская четвёрка	53
Видеоблоги	59
Золотой ключик	63

Оранжевый ворон

«Я знаю, что я сделал прошлым летом...»	67
«Зима — это повод сказать о зиме...»	68
Не звуки, не вещи, а паузы...»	69
«Собака пугается ветра...»	70
«Деньги и Здоровье...»	71
«Очень скоро, очень скоро...»	72
«Je suis боярышник. Je suis...»	73
«Давайте есть друг друга поедом...»	74
«Ад — это история, чувак...»	75
«куплю себе свитер с оленями...»	76
Вариации	77
«Спросите Лившица. А Левенбука...»	79
«Филологи, калеки, полушизики...»	79
«Будто зайцы белочку хоронили...»	80
«Время лекарь и калекарь...»	81
«как будто и не было класса десятого...»	82

Листья прошлой весны

«У меня, например, заноза в сердце...»	85
Любовь	86
Берег	88
«гомосексуализм превратился...»	90
«После женщин, после людей...»	91
«тогда говорили...»	93
«зал был полон...»	93

1984	94
Держинос	95
Проспект	96
Некролог	97
Капсулы времени	98
История	100

Лицо живого бога

Голос	103
Домой	104
Окна	105
Жало	106
Беда	107
Чудо	108
Без меня	109
Ветер	110
Рыцарь	111
Город	112
Собакин	113
На даче	114
Рыбалка	115
Иосиф	116

Игорь Караулов. Ау-ау

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 27.08.2018.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 7,5.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-9-3

9 785604 091593

Игорь Караулов родился в 1966 году в Москве, где проживает и по сей день. Окончил географический факультет МГУ. Автор поэтических книг «Перепад напряжения» (2003), «Продавцы пряностей» (2006), «Упорство маньяка» (2010), «Конец ночи» (2017). Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион», «Новый берег», «ШО», «Воздух», «Бельские просторы», «Критическая масса», «Этажи» и других. Участник поэтической программы Венецианской биеннале (2009). Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011). Победитель Волошинского литературного конкурса (2017). В последние годы выступал в качестве публициста в газете «Известия», «Литературной газете», на сайтах «Свободная пресса», «Русская идея» и АПН.

ISBN 978-5-6040915-9-3

9 785604 091593